

Лидия Чарская

Поповна

Гимназистки

Лидия Чарская
Поповна

«Public Domain»

1908

Чарская Л. А.

Поповна / Л. А. Чарская — «Public Domain»,
1908 — (Гимназистки)

Теперь за письмо. Скорее, скорее... Даша взяла листок, конверт...
Придвинула к себе небольшую баночку с чернилами. Задумалась на минуту.
Всего писать нельзя. Нет. Совсем невозможно. Забеспокоятся, встревожатся,
будут волноваться за Дашу, подумают, что ее обижают...

Лидия Алексеевна Чарская Поповна

Дети, в наш класс поступает новенькая! Надеюсь, вы радушно примете вашу будущую подругу!

Таисия Павловна, худенькая молодая «дама» третьего класса, со своей обычной, всегда немного грустной улыбкой, заторопилась навстречу высокой представительной директрисе.

Точно по мановению волшебной палочки в классе воцарилась полная тишина. Дверь широко распахнулась, и Ольга Николаевна (имя начальницы N-ской гимназии) вошла в комнату, держа за руку новенькую. На лицах третьеклассниц отразилось самое искреннее изумление. Такой новенькой N-ская гимназия еще никогда не видела в своих стенах. Высокая, плотная, загорелая, с огромными руками и ногами, как-то нелепо вылезавшими из слишком короткого и узкого, очевидно, с чужого плеча, платья, с гладко зачесанными, что называется зализанными, волосами и крупными чертами лица, новенькая внимательно оглядывала класс без малейшей тени смущения и робости.

Гимназистки, в свою очередь, стоя в проходах между партами, после обычного приветствия по адресу начальницы смотрели на новенькую.

Она казалась им настоящей великаншей. В третьем классе учились девочки приблизительно от одиннадцати до четырнадцати лет. Вновь поступавшей можно было с успехом дать все семнадцать. И притом это коричневое, грубое, обветренное лицо... Эти огромные руки... Они, скорее всего, подходили какой-нибудь ремесленнице, чернорабочей, но отнюдь не гимназистке.

Маленькая, миловидная, изящная, точно французская статуэтка, Милочка Печалина с нескрываемым ужасом шептала своей соседке, чистенькой и пухлой, как булка, Эмме Вульф:

– Посмотри на нее, Эмма! У нее руки в мозолях, точно у дворника!..

– О, какая громада! Брандмайор какой-то! – брезгливо морщась, роняла в другом углу класса Зина Ракитова, миниатюрная, тонкая брюнетка.

– Я думала, что она в последние классы поступает, а она-с к нашему изволит примкнуть, эта милая крошечка! – насмешливо проронила самая веселая и шаловливая из гимназисток Нюра Смолянская и прыснула от смеха.

Прыснули за ней и ближайшие из ее соседок.

– Крошечка... Нечего сказать, крошечка... Настоящий фельдфебель! – лепетала Милочка Печалина, делая невозможные гримасы.

– Тише, дети, тише! – и вся насторожившись, Таисия Павловна окинула строгим взглядом класс, призывая его к порядку.

– Mademoiselles, Ольга Николаевна желает говорить с вами! Прошу вас быть тише, – возвысив голос, заключила она.

Полное спокойствие воцарилось в классе. Директриса приблизилась к первым скамейкам, все еще не выпуская руку новенькой, и заговорила, обращаясь к девочкам:

– Вот вам новая подруга, дети! Будьте поласковее с ней. Она приехала сюда издалека, из деревенской глуши, где отец ее служит священником. Вы понимаете, конечно, как тяжело бывает уезжать надолго из родной обстановки и попадать к чужим людям, в незнакомый далекий город, где нет никого из близких и друзей. Вот Даша Крестовоздвиженская находится в таком же неприятном положении. Помогите же ей своим участием. Посвятите ее в свободное от уроков время в наши гимназические правила. Познакомьте с условиями нашей учебной жизни. Надеюсь на вас, дети! Вы уже не маленькие и сумеете облегчить вашей новой подруге ее первые школьные шаги!

Директриса ласково кивнула девочкам и покинула класс. Таисия Павловна вышла проводить ее в коридор. Новенькая стояла одна посреди комнаты, большая, мешковатая, с огромными красными руками, некрасиво повисшими вдоль тела, в своем коротком, куцем платье, и прежними спокойными, нисколько не оробевшими глазами, оглядывала своих будущих однокашниц.

Тотчас после ухода начальства девочки высыпали на середину класса, окружили Крестовоздвиженскую и закидали ее целым потоком вопросов.

- Вы, собственно, откуда?
- Из какой губернии?
- Из села или из деревни?
- Большой приход у вашего отца?
- Он давно там священником?
- А братья и сестры есть у вас еще дома?
- Сколько же вам, однако, лет?
- Отчего у вас на руках мозоли?
- Вы и зимою такая же коричневая от загара?
- Что вы делаете, чтобы быть такой румяной?
- А зачем вы так ужасно помадите себе голову?

Вопросы сыпались со всех сторон. Целый град вопросов, серьезных и праздных, атаковал новенькую.

Девочки всматривались в лицо Даши острыми, любопытными глазами, как бы желая видеть ее насквозь.

Хорошенькая Милочка Печалина протиснулась вперед и, презрительно косясь на куцее коричневое платье с огромной заплатой на локте, сказала:

- Но почему же вы не отвечаете нам? Или не хотите удостоить нас ни одним словом?

Даша Крестовоздвиженская подняла на Милочку свои маленькие, как щелочки, глазки:

– Ах, нет, что вы! – сказала она мягким грудным голосом, произнося слова немного на «о», – ах, что вы! Просто я устамши очень. Не могу еще никак отойти с дороги...

«Устамши!...»

Вот тебе раз!

Гимназистка 3-го класса и говорит «устамши», да еще с ударениями на «о», как простая крестьянка! Вот сюрприз-то Алексею Ивановичу будет, учителю русского языка!

– Устамши, не емши, не спамши! – пропела вполголоса насмешница Смолянская, числившаяся с младшего класса первой по русскому языку.

Милочка фыркнула. Фыркнули и тоненькая Зина Ракитова, и беленькая Эмма Вульф, и еще двое-трое из самых смешливых.

Крестовоздвиженская не смутилась, однако, и тут. Она тоже улыбнулась, сверкнув на диво белыми красивыми зубами.

– Такая дурная привычка – все не могу отвыкнуть от деревенской речи, – произнесла она с подкупающей простотой, – говорить-то у нас в глуши мало приходилось. Батюшка в поле, а маменька по хозяйству либо с ребятами. Я-то и сама в работе... С нашими деревенскими то на косьбе, то на жатве... Сами работали, по бедности, конечно. Батраков дорого нанимать. Уж вы, пожалуйста, коли что не так скажу – поправляйте, сделайте милость, очень буду вами благодарна.

И совсем неожиданно она низко, по-крестьянски, всем туловищем поклонилась окружавшим ее гимназисткам.

Настроение класса сразу изменилось.

Эта плотная высокая девушка была так нелепа и смешна со своими огромными, в мозолях, руками, зализанной головой и чисто крестьянскими оборотами речи. И в то же время ее

низкий, подкупающий мелодично-бархатный голос и эта откровенная, наивная простота трогали невольно и влекли к ней сердца девочек.

Когда Нюра Смолянская попробовала было пройтись насчет того, что она «оченно благодарна за откровенность барышни-крестьянки Крестовоздвиженской, и хоша та и очень устамши с дороги, а все же пуцай не откажется потолковать с девицами...», на Нюру замахали со всех сторон, зашумели:

– Пожалуйста, не остри, Нюрка! Знай меру!

Так что шалунья невольно смолкла, прикусив свой не в меру бойкий язычок.

Крестовоздвиженскую усадили на скамейку рядом с тоненькой, хрупкой, аристократичной Зиной Ракитовой, около которой оставалось одно-единственное свободное место.

Голубоглазая, немного надменная, Зина отодвинулась от своей новой соседки на самый край скамьи. Даша почему-то не понравилась ей с первой же минуты, и она, ни мало не смущаясь, подчеркнула это. «Поповна! Деревенская поповна!» – окрестила ее Зина, втайне негодуя на судьбу, предоставившую ей неприятную обязанность сидеть с этой «деревенщиной» во время занятий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.